Info 1053

комиссия по составлению хроники великой отечествен. войны.

СТЕНОГРАММА

беседы с тов. ДВОЙНОВЫМ Федором Евгеньевичем.

Беседу проводит зав. воен. отделом СИДОРОВ А.Л.

Записывает Шамшина А.И.

Ворт.Пруссия. гор.Кенигсберг.

25 июля 1945 г.

Подполковник.
Начальник оргинструкторского отделения политотдела 11-й гв.армии.
1909 г. рождения.
член партии с 1930 г.
В комсомоле с 1926 г.
Общее образование среднее;
военное — не окончил военно-политическую академию
им.Ленина в 1941 г.

Награды: Орден Красного знамени, орден Красной звезды, орден Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Медаль "За оборону москвы, медаль "За боевые заслуги".

ДОВАТОРА я знаю еще по забайкалью с 1936-38 гг. В забайкалье он работал в эти годы политруком кавалерийского эскадрона 22-й кав дивизии. Что о нем сказать можно за этот период? Доватора мы знали, как хорошего политрука и хорошего строевика. Всегда мы его видели на конных соревнованиях. Был он очень лихим конником, на соревнованиях часто брал первое место, призы. Вот очень коротко о том, что я знаю о нем до войны. В близких отношениях я с ним тогда не был.

На войне я с ним впервые встретился 15 сентября 1941 года, когда он командовал кавалерийской группой в составе двух дивизий, 53-й и 54-й. В 1936 г. или 1937г., имея склонность к строевой работе, он попал в академию им. Фрунзе на учебу. Год или два он проучился в этой академии. Окончить ее не удалось. Его направили в Испанию. Там он приминишие принимал участие в боевых действиях в качестве командира, но какого подразделения, я сейчас затрудняюсь сказать. Там он был награжден орденом Красного знамени и по окончании войны прибыл в москву. В москве был назначен командиром особого кавалерийского полка при наркомате обороны. с началом отечественной войны, когда начали формировать кавалерийские группы, его назначили командиром кавалерийской группы. Это очень большое выдвижение было для него и ТИМОШЕНКО, по-моему, перед ним поставил одну из ответственных задач - это действия кавалерийской группы по тылам противника. Эту задачу он начал выполнять.

4

Встретился я с ним 15 сентября. В начале сентября они только вышли из первого рейда по тылам противника. Было это в районе города Белого, под дер. Харламиха 1-я на реке Межа. Я получил назначение командира штаба 53-й кавалерийской дивизии, причем, как раз в то время, когда они только вышли из боев и готовились к очередному

рейду по тылам противника.

В какой обстановке я застал самого Доватора? Под"ехал к дер. Харламиха. Там все было разбито. Расположена она была в лесу. Часа два затратил на то, чтобы их разыскать. Еду по лесу, смотрю, Доватор на вороной своей любимой кобылице. Он был полковником, но ему уже присвоили звание генерала, он еще не переоделся, верхом. С ним было несколько человек: начальник штаба и два или три командира штабных. Всю оперативную работу он вместе с начальником штаба проводил. Начальником штаба у него был подполковник КАРТА ВЕНКО.

Подошел к Доватору, представился.

- Когда прибыли?

Вспомнили о встречах в Забайкалье. Принял очень тепло, горячо. Беседовали, примерно, час у него. Он лично поехал со мною в 53-ю дивизию, представил там командиру дивизии, комбригу МЕЛЬНИКУ, комиссару ОВМИН-НИКОВУ, начальнику штаба РОДЗИЕВСКОМУ и сразу, не дав привести себя в порядок, посадил на командирское совещание, которое проходило в школе этой деревни Харлами-ха. В школе собрался офицерский состав всего корпуса Доватора. Выступил на этом совещании, подвел итоги боев первого рейда, поставил задачу Доватор. Затем, поставил задачу привести в порядок конский состав, обмундирование, готовить личный состав к рейду в тыл противника.

Совещание это проходило несколько необычно. Был организован там ужин соответствующий и он в такой товарищеской среде подвел итоги. Во-первых, вспоминали ногибших за этот рейд. Затем, призывал к тому, чтобы не успокаиваться тем, чего они достигли, не зазнаваться тем, что о доваторцах идет хорошан слава, что

это является вредным.

Вечер промел очень хоромо. Все были довольны, разошлись по своим местам и стали готовиться к очередному рейду по тылам противника. Шла боевая учеба кавалеристов, приходило пополнение. Группа пополнялась личным составом, вооружением.

Когда стояли в лесах в Харламихе, из-под Смоленска, Борисова, из-под других мест шли большие отряды паратизан и оставшиеся в окружении войска. Доватор очень часто принимал этих людей и многие их боевых партизанских отрядов и выходивших из окружения оставлял у себя, отбирал нашиболее боевой состав и самостоятельно оставлял на доукомплектование кавалерийских дибизий.

К концу сентября дивизии были у нас доукомплектованы и были готовы вновь итти в рейд. 2 дивизии было, боевых сабель, примерно, 6-7 тысяч. Подготовились итти в рейд вновь. Обстановка сложилась так, что перед нами этой задачи не поставили, потому что противник вел наступательные бои и нам не представилось возможности пойти в рейд. Поэтому, действия в это время, в сентябре велись мелкими группами. Направляли мы в основном по 2 эскадрона в тыл противника, там совершали налеты на отдельные населеные пункты, занятые немецкими гарнизонами, на обозы и, главным образом, на поборников, которые ездили по деревням, отбирали продовольствие и проч. Этим группам особенно доставалось. Затем, делали засады.

С этими засадами, между прочим, в лесу очень интересная картина была. Когда кавалерия соберется в темном лесу, ничего не видно, дорога проходит и по этой дороге в нескольких местах идет целая колонна немцев, а наши конники стоят на десяток метров от них и по существу сделать ничего не могут, потому что идет такая масса. Если он обнаружит себя, то погибнет. Поэтому, лошадей привязали, чтобы не было бряцанья, тщательно маскировались, когда шли большой колонной. Но когда идет небольшая группа, их немедленно истребляли.

. Вот такие действия вели главным образом в период пребывания в этом районе Харламихе на реке меже.

Что можно сказать о Доваторе в этот период? Доватор очень серьезно поднимал вопрос в это время о разведке. Лично направляет эскадрон или взвод в тыл противника и сам, будучи командиром этой группы, ставил задачу и очень требователен был в вопросах выполнения задачи.

Интересен был такой эпикод один. Не помню сейчас фамилии командира эскадрона, од которому он поставил боевую задачу произвести разведку в одном месте, естьли там противник, численность его. Командир эскадрона приступил к выполнению задачи и в процессе выполнения струсил. Один взвод дошел до места расположения противника, сделал разведку, а самого командира эскадрона потеряли в лесу. Взвод этот прибыл, а сам командир эскадрона с двумя взводами прибыл на два дня позднее с докладом Доватору. Когда вернулся сам командир эскадрона с докладом, обстановка была такая - проводили мы конный праздник, соревнование. После этого конного праздника Доватор собрал офицерский состав, был очень хорошо расположен, настроение у него было хорошее. Артисты были из москвы, в общем, хороший офицерский вечер проводили. Утром собирает офицерский состав корпуса, поднимает корпус по тревоге, выводит из того места, где мы располагались, под взжает к офицерскому составу и в первую очередь поставил вопрос об этом командире, потребовал, чтобы его расстреляли за невыполнение задачи, и это решение было выполнено. Таких фактов там несколько было, потому что связи мы ни с кем не имели. Поэтому, всякое решение он принимал лично и о наградах, и о взысканиях и прочих вещах.

От реки Межа в начале октября, когда противник особенно резко стал нажимать на наши войска в направлении на самый город Белый, затем Ржев, Волоколамск, Клин, была поставлена задача вести ариергардные бои, прикрывать отход всех наших частей и, вот, в этот период особенно трудно было кавалерии. С одной стороны, авиация не давала возможности днем действовать коннице, с другой стороны, мы лицом к лицу стояли сами к противнику. Приходилось проявлять счень большую маневренность, откатываться на рыси на глубину нескольких километров, выбрасывать небольшие заслоны спешенных бойцов, заставлять развертываться силы противника и этим задерживать.

Единственный бой, который был принят в период этих ариергардных боев на подступах к самому Белому. Части, которые там оборонялись, отошли, а наша группа осталась задерживать противника на реке и затем, от-ходить за пехотои и танковыми частями. Немцы, как раз совершили очень большой налет на гор. Белый, примерно, до 60 самолетов, бомбили, зажгли весь город и после этой бомбежки немцы пошли колонной, буквально. Идет один батальон, за ним другой. Причем, сняли форму с себя, в одних нижних рубашках, винтовки через плечо, обнаглели до потери сознания. Идет одна колонна за другои. Разведка у них работала плохо. Авиация не могла установить расположения конницы, а другого вида разведку они не пускали, потому что сопротивления особото им не оказывали.

мы стояли около самого города Белого. Когда немцы идут такой колонной, Доватор, несмотря на то, что нам могла грозить серьезная опасность, когда эту группа кавалерийская вонзилась в бой, он отвел один кавалерийский дивизион в лес на 150-200 метров к дороге, по которой шла колонна немцев. Часов в 19 или 18, когда танковые силы немцев пошли вперед, расположились в самом гор. Белом, шла высадка этих немецких войск. двух батальонов в таком же порядке. Он пустил 53-ю кавалерийскую дивизию в конную атаку. Это единственная атака за все время войны, которую я лично видел. Процентов 80 людей, которые шли в этих батальонах. - численность батальона 200-300 человек, - былю, буквально уничтоженю, перерублено и передавлено конями, потому что атака была внезапной, молониеносной и расстояние до движения этой колоным насчитывалось, буквально, в 100-150 Metpob.

Избрал он атаку перед вечером специально для того, чтобы после этого нас уже отвести, обе кавалерийские дивизии, обойти гор.Пилау и выходить к своим частям с таким расчетом, чтобы противник не мог развернуть
главные силы.

После гор. Белого, до Ржева, затем, Клина мы вели такие ариаргардные бои. В них ничего достопримечательного не было.

Под гор. Калинином, когда противник его уже занимал и прорвался по шоссе на Москву, Доватор решил вывести в бой еще раз свой корпус и остановить движение противника. Это было решение очень смелое и оно по существу не окончилось успехом, потому что нельзя было такую лавину немцев остановить, Поэтому, пришлось только принять отдельные бои и продолжать дальше отход до станции Касня — это между Калининым и Москвой.

На станции Касня мы получили приказ. Как раз наступал такой переломный период, когда немцы уже подходили к Москве. Создавались новые ударные части для отражения наступления декабрьского. Мы получили приказ о создании из нашей кавалерийской группы кавалерийского корпуса. В состав корпуса вошла еще 20-я горно-кавалерии кая дивизия. Таким образом, был сформирован корпус кавалерийский в составе уже трех дивизий и Доватор стал командовать этим кавалерийским корпусом.

Во время генерального наступления нашей Красной Армии мы начали наступательные бои вместе с частями Красной Армии от Москвы. Направление наше было на Волоколамск и затем, задача стояла дальнейшего движения на запад. Мы ни с какой армией не действовали, ходили самостоятельно и в состав ни одной армии не входили. Одно время входили мы в состав армии Рокоссовского, 16-й, в частности, когда начались бои под Волоколамском.

Во время боев за Волоколамск интересные собития были. Волоколамск уже прошли. Мы попали случайно в 20-ю армию ВЛАСОВА. Когда мы находились там, ставилась задача истребления сплошного кавалерийского корпуса. Он вывел нас на передний край в непосредственное соприкосновение с противником и отдал приказ ни шагу не отступать, коноводом держать при себе. Там тысячи конных стояли в лесу и велся бешеный пулеметный огонь. Наши попытки отвести коноводов, ничего не принималось в расчет. Потом уже личное решение Доватора было, независи мо от приказа командарма. Коноводов отвели и некоторую часть спасли от удара. А когда вомли в состав 16-й армии, Рокоссовский сам бывший кавалерист, он увидел, что корпус находится в таком состоянии, дал несколько дней передышки для приведения в порядок и потом уже поставил очередную задачу на преследование против-. ника.

В период преследования противника от Москвы у нас дело шло особенно успешно. Конница здесь получила возможность полностью развернуть свои силы. Противник отступал очень поспешно. Пехота его, бесспорно, не в силах была догнать. Поэтому, главная задача преследования противника была возложена на нас и нам придали специаль-

ный лыжный батальон рабочих-горьковчан. Там была преимущественно молодежь. Прибыли в полном составе, в новом обмундировании, исключительно подготовлены. Горьковских было два батальона. Один командир батальона был чудный парень. Потом он стал Героем Советского Союза и в бою погиб.

Характерно поведение Доватора в этих наступательных боях, когда мы уже преследовали противника. Во- первых, его везде и всюду можно было видеть сияющим. Ясно, когда мы шли к Москве, настроение у него было иное. Когда шло это преследование, перемалывание противника, Доватор сам лично, белый конь у него был уже в это время, на белом коне его везде и всюду можно было видеть. Идет колонна, смотримь, Доватор один стоит с своим ординарцем без всякого штаба, управляет.

Бои вели по преследованию противника преимущественно ночные, потому что день мы за ним гонимся, они
от наф удирают и днем, как правило, боя не навязывалось. Но ночью, когда пехотные части немцев теряют
силы, располагаются в населенном пункте, здесь Доватор дает приказ напрячь последние силы и чтобы ночь
была наша. Ночью обязательно делается налет на населенный пункт, в котором располагаются немцы. Ночные
налеты были особенно удачны и, как правило, после все
немцы, которые располагались в этом населенном пункте,
истреблялись. У конников особенно была развита ненависть к немцам.

Интересен был один такой факт, когда я встретил двух красноармейцев, которые, буквально, дерутся между собой. Причем, один со слезами на глазах подходит, жалуется.

- Товарищ командир, вот такая вещь...
- В чем дело?
- Да как-же, то были случаи, когда наши бойцы оставались на поле боя, мы их не могли вынести, а сейчас этот красноармеец вдет на повозке и везет с собой немца в медсанбат.

Этого немца он, конечно, пристрелил, а с красноармейцем сорганизовал бой один на один.

Кто непосредственно принимал участие в боях, тот особенную ненависть имел к немцам.

Бой мы вели, как правило, ночью. Днем почти все войска наши были свернуты в колонну и двигались на запад. Когда отдыхали, трудно сказать. В населенных пунктах никогда не ночевали. Отдыхали все время в лесу. Переспят пару часов под кустами, под елкой и все. У нас блиндажей никогда не было.

Доватор очень уважал начальника штаба 53-й дивизии, тогда он был майором - РАДЗИЕВСКИЙ Алексей Иванович. Это очень боевой кавалерист и грамотный, экончивший академию Фрунзе и академию генерального штаба. Доватор всегда, во-первых, ставил в пример этого командира, во-вторых, советовался даже с ним по целому ряду тактических вопросов и в-третьих, уважал его за личный героизм, за храбрость. Родзиевского никогда в штабе не поймаешь. Как только завязался бой, так он или за станковым пулеметом, или так ведет бой. Был случай, когда он лично поджег мельницу, которая занималась немцами. За личный героизм, за знание дела и за веселое поведение, - в быту он очень был хорошим человеком, - Доватор имел к нему личные симпатии и впоследствии взял его к себе в корпус, в штаб. Как раз при гибели Доватора он работал начальником штаба корпуса. В последних боях за Берлин Родзиевский командовал танковым корпусом. Когда пришел КРЮКОВ после Доватора, с ним он не сработался. Он говорил, что "дух Доватора вышибу из этого корпуса". Ему не нравилось, что этот корпус создан Доватором и вся слава, которая шла об этом корпусе, была связана с Доватором. Родзиевский умел начальником штаба 1-го кавалерийского корпуса. Последний раз я с ним встречался в 1943 году. Он перешел начальником штаба танкового корпуса, а затем, начал им командовать. В танковом корпусе принимал участие в боях за Берлин под руководством ЖУКОВА.

Родзиевский вырос от майора до генерал-лейтенанта за это время. Недаром его Доватор крепко уважал и

видел в нем военный талант.

Затем, Доватор уважал командира дивизии 53-й, генерал-майора МЕЛЬНИКА. Мельник в прошлом преподаватель тактики военной академии, затем, был начальником штаба Отдельной Дальневосточной армии, тоже самое был очень подготовленный и грамотный человек, хороший кавалерист, во время гражданской войны еще командовал эскадроном, затем полком. Причем, у них было некоторое единство с Доватором, вернее, противоположность. Доватор был горяч в решении новых вопросов. Поэтому, когда он желает принять какое-нибудь решение, советуется с Мельником, а тот пока все не обдумает, все не взвесит, может быть проявит некоторую медлительность, но решения прежде времени не примет и Доватор сочетал свою практику с умом Мельника, поэтому хорошо к нему относился, дружил. Любил очень политруков, как сам бывший политрук, на них возлагал очень большие надежды. В частности, очень хорошо относился к комиссару дивизии ОВЧИННИКОВУ Алексею Ивановичу. Это тоже бывший разведчик в довоенное время, пограничник, очень хороно знал военное дело и прекрасно ориентировался в лесной местности. В целом Доватор любил всех героев.

Мы большинство времени проводили в лесу и Доватор, несмотря на такое высокое положение, в котором он находился, обычно, тоже располагался в шалаше, который мы строили из елок. Свиты у него особой не было, был этот ординарец, с которым он с начала до конца своей жизни не расставался. Вел себя очень просто тогда, когда это не было связано с непосредственным выполнением боевой задачи. Приходили к нему офицеры с докладами, с информацией какой-нибудь. Если этот докладтинформация его удовлетворяли, никто не уходил от него обиженным. Он принимает очень радушно. Если неправильно ему что-нибудь докладывают, сделает соответствующее замечание. По-моему, он не курил, водки пил очень мало в отличие от всех остальных командиров и сдерживал офицерский состав, когда идет какой-нибудь банкет или вечер.

Он всегда приводил такой пример:

はないまといるがあるよりはまし

- Вот, был я заграницей, там очень часто принимал участие в банкетах, произносил тосты, все время пил, но никогда пьяных не был.

Любил очень артистов, которые приезжали на фронт, в частности ЛЕПЕШИНСКАЯ был у нас, РУСЛАНОВА с бригадой. От отдавал все на то, чтобы встретить их хоромо.
Приедет в дивизию. У нас начальником политотдела БАТЬКОВ был. Он не особенно занимался ими. Он идет к начальнику штаба и говорит:

- Артистами вы лично займитесь, организуйте пита-

ние, разместите так, чтобы это было корошо.

Тактика руководства у него и его начальника штаба - это живая связь с командирами дивизий и непосредственно с войсками, особенно в первый период боев, когда был он, начальник штаба и два офицера. Радио у нас не было, связь - наполеоновская через наших конных от одной дивизии к другой. Войска держались, как правило, в кулаке, не разбраснвались. В процессе боя у него была связь живая, личное общение с командирами дивизий, с начальниками штабов и личные выезды вплоть до молков,

до подразделений.

В одном бою после Волоколамска, когда мы вели ариергардные бои, отступали, Доватор задумал ночной бой организовать. Пустил дивизию и сам лично в составе подразделения пошел. Когда сделали ночной налет на деревню, он встал за сараем, собрал некоторых бойцов вокруг себя, чтобы мощное "ура" кричали, нагоняли страх на немцев. Поставил несколько станковых пулеметов рядом, открыл огонь по населенному пункту и - "ура!" чтобы привлечь немцев в этом направлении. А дивизия была пущена в круговой обход истреблять гарнизон. Ночная операция был очень удачной, в то время, как наши части беспрерывно отходили. И мы в то время бежали, однако, он задерживался на отдельных рубежах и сам лично принимал участие в этих боевых действиях.

Последнее, самое тяжелое — это гибель его. Получилась такая картина, что когда мы преследовали противника днем, обычно, шли свернутой колонной все три дивизии параллельно одна другой. Доватор шел с дивизией, которая была в центре, 20-й дивизией, которая вновы вошла в состав нашего корпуса. Он шел как раз с ней по-

тому что он на эту дивизию меньше надеялся. Те дивизии он знал, с ними прошел уже большой путь, а к этой относился с некоторым недоверием. Он в большинстве случаев кодил с 20-й дивизией, когда совершал этот колонный марш, чтобы знать, как поведет себя эта дивизия в случае внезапной встречи с противником. В частности и в тот день, когда он погиб, он двигался с 20-й дивизией. Причем, обстановка была такая, что немцы удирали беспрерывно, сопротивления не оказывали по существу и он увлежнись этими успехами допустил некоторую беспечность и погрешность, с одной стороны, а потом другое обстоятельство на него повлияло.

Когда начался бой, он чувствовал себя очень хорошо. Идут бойска внеред, нреследуют противника, уничтожают, налеты делают. В общем, в приподнятом состоянии
был. Потом нам поставили задачу прорвать оборону немцев и уйти в тыл. ЖУКОВ поставил задачу. Мы одни бой
приняли, ничего не выходит. Второй бой приняли, 30-40%
потеряли. Пустили туда 64-ю морскую бригаду, очень
много потерь, прорыв не совершился. Это было на Волоколамском.

Жуков вызвал Доватора и очень крепко отругал его за то, что задача по существу не была выполнена, в прорыв не вошли, рейд по тылам противника не совершен. Доватор чувствовал, что возможностей реальных для выполнения этой задачи не было, был очень взволнован после приема Жукова и потом в большинстве случаев его можно было видеть впереди войск. Он хотел во что бы то ни стало быстрее продвинуться на запад и при удобном моменте пройти через войска противника, уйти в рейд. Вероятно, под этим впечатлением он сам лично находился всегда впереди, вел войска, чтобы ему не потерпеть еще неприятностей. Он очень самолюбивый человек, не любил, когда ему делают замечания, когда он считает себя правым. Это обстоятельство повлияло на то, что Доватор был впереди войск и вел себя несколько неправильно.

В тот день, когда он погиб, я был с 20-й дивизией. Штаб вперед вышел колонной. Потом подходят к одному населенному пункту. Перед самым населенным пункром протекала небольшая река, за ней небольшой лесок. От леса до деревни метров 200-300 было. Идет лесная дорожка. Она выходила на чистое поле.

Когда они с дивизией подошли к речке, начали ее форсировать, Доватор выскочил вперед с группой коменданского взвода 20-й дивизии, командир дивизии, комиссар, он и свита с ним. Выскочил за опушку леса. В деревне начинается движение, бегают немцы из одного дома в другой. Видят, что, очевидно, здесь задержалась большая группа, которая перетрусила. Он видит, что немцы начинают бегать из одного дома в другой. Причем, там какое-то смятение. Он решил в конном строю ворваться с этой группой комендантского взвода и выгнать все, что

было в деревне. Почему он принял такое решение, не знаю. Только он подал команду: "За мной в атаку, марш-марш!", оттуда раздались выстрелы. Он спешил всех, маузер в руки и вперед пошел. Там осталось метров 150 до населентного пункта. Оказывается, немцы сделали засуди в крайнем доме этой деревни, которая была на опушке леса, поставили несколько пулеметов, автоматчики и когда эта группа спешилась, стала наступать на населенный пункт, они открыли ураганный огонь из всех видов оружия.

Когда Доватор вышел между опушкой леса и деревней, три сосны стояли отдельно, очередь из автомата. Он по-лучил одно ранение, упал. Затем, адьютант его и несколько бойцов, вместе с ним которые были, командир дивизии был, комиссар дивизии — были тяжело ранены. Дальнейшее

продвижение приостановилось.

Узнаем, что там есть такие силы, а у нас артиллерии нет. Часть минометов была, но их нужно развернуть, привести войска в боевой порядок. Разведчики наши 4-й гвардейской дивизии приезжают с извещением о том, что Доватор погиб. Сообщают командиру дивизии, комиссару, мне и начальнику политотдела. Никому из бойцов мы ничего не говорили, потому что если сообщить им, настроение в войсках быстро изменится.

Через некоторое время сообщают, что Доватор ранен и тело его находится под ураганным огнем, необходимо организовать вынос тела. Это возлагается на 4-ю гвардейскую дивизию. Я поехал туда с начальником штаба подполковником АРИСТО ВЫМ. Мельник приказа нам возглавить группу, которая должна обеспечить вынос тела Доватора.

Под"ехали к этой опушке леса. Туда уже прибыли люди из 3-й дивизии и выносом тела Доватора лично руководил Радзиевский. Стали организовывать группы по 10-15 человек, чтобы они доползли до трупа и вынесли его. Открываем минометный огонь, но минометы у нас были такие, что по существу на противника никакого воздействия не могли оказывать. Никто не мог добраться до этих трех сосен, настолько они были пристреляны.

В общей сложности у нас там погибло около 60 человек убитыми и тяжело ранеными. Последнюю группу мы организовали, я дал своего адъютанта, старшего лейтенанта ИВАННИКОВА. Он метров 30 не дополз до Доватора, смотрим, перевернулся несколько раз, 4 ранения получил. Эта операция не удалась. Потом действия отдельных мелких групп продолжались пока не наступила темнота.

С наступлением темноты Радзиевский принял решение развернуть все три дивизии, принять боевой порядок, пройти лесами, окружить этот населенный пункт и сделать ночную атаку. С наступлением темноты открыли огонь из минометов, пулеметов по опушке леса.

Когда немцы услышали стрельбу по ним, они начали из этих димов перебираться. Тут уже предоставилась возможность пробраться к Доватору. Вытащили его. Собрались врачи, начали слушать, говорят, что есть признаки жизницинами

ни. Начали принимать меры медпомощи, ничего не получи-лось. Оказывается, он имел не смертельную рану, но истек кровью и замера.

Труп Доватора направили в один из населенных пунктов, а корпус пустили в бой. Развернулась отчаянная ата-

Ka.

Когда вмели в бой все три дивизии, оказалось, что в этом населенном пункте был полный состав немецкого батальона с артиллерией, минометами и до 800 штыков, на который он хотел итти с этим комендантским взводом.

Ночная атака прошла удачно и за исключением незначительной части немцев, которые могли пробраться только по лесам одиночкой, они ушли, остальные все были истреб-

лены в этом населенном пункте.

Звание Героя Советского Союза Доватору было присвоено посмертно. Он погиб, по-моему, 19 января 1942 г., а 22-го ему присвоено звание Героя Советского Союза по-

смертно.

Он лично наградил меня орденом Красной звезды однажды. Создалась такая обстановка в этом же районе Волоколамска во время преследования противника, что мы пуетили 4-ю гвардейскую дивизию на один населенный пункт. Причем, взять его побоялись с хода, а начали организовывать разведку и затем круговой обход по ле-сам. Я ехал во главе колонны с начальником штаба Аристовым, начальником политотдела Батьковым и несколькими штабными офицерами. Затем, штаб остановился на опушке леса, и сами выскочили вперед, посмотреть, что делается в этом населенном пункте. Только стали смотреть в бинокль, налетает 6 самолетов противника и обнаружили нас. Если мы пойдем в лес, наведем эти самолеты к штабу, штаб будет уничтожен. Если ехать в населенный пункт, мы не знаем, что там делается, есть-ли там противник или нет. Но обстановка не ждет, надо решать и мы решили проскочить на 200 метров до населенного пункта. Поскольку оттуда огня нет, немцев, очевидно там нет.

поехал вперед, за мною начальник политотдела. Начальник поши штаба при первом выстреле с коня упал в снег,
замаскироваться, а я каким-то образом оказался впереди войска. У первого амбара остановился. За мною едет
начальник нолитотдела Батьков. Он повернул коня с дороги вправо, а там был глубокий снег. Конь по снегу бежит. Потом "Юнкерс" пикирует, очередь, конь падает в
одну сторону, Батьков в другую. Я стою, думаю: погибли, но выити самому невозможно. Если я победу в амбар,
заметят меня. Я коня замаскировал под крышей, сам
встал под дверь. Потом самолет скрыльея. Я пофбегаю к
Батькову. Оказывается, он был ранен в правую ногу, а
лонади в сердце прямо попало. Я вытащил его, втащил в
деревню, не зная что там есть. В крайний дом захожу,
никого нет. Положил его, дал из фляжки водки. Он го-

BODUT:

- Замерзаю, помоги чем угодно.

Я говоры:

- Только личный полушубок могу снять с себя.

Своим полушубком одел его, сам остался в одной гимнастерке. Вышел к амбару, смотрю, мчится конь Аристова,
коноводов, в общем, коней 8. Прибежали ко мне. Я думаю:
если в этом населенном пункте есть немцы, что дальше делать. Кони начинают бродить здесь, демаскируют. Ехать к
своим, выедешь из населенного пункта, по дороге немцы
заметят, хуже будет. Тогда я принял такое решение. Зная
о том, что немцы боятся доваторцев, думаю, шийцы пушу
этих лошадей самостоятельно. Сел верхом. Лошади когда
сгруппировались, крикнул "ура!". А кавалерийская лошадь,
когда кричишь "ура", только вперед. Рванулись впере д.
Там было немцев 15. Видят, что мчатся кони, бегут через

Я чувствую, что лошади могут убежать куда-нибудь, сел на своего Казбека догонять. Перед самой окраиной деревни догнал лошадей. Они опять вокруг меня. Смотрю.

выходят местные жители. Спрашиваю:

речку и в другой населенный пункт.

- Немцы есть?

Говорят:

- Вот последняя группа человек 15 пошла к речке и собираются в противоположный населенный пункт.

в Я говорю:

- Лопадей соберите и в сарай.

дошадей собрали, я у них остался. Тут встреча такая со слезами, самовар поставили. Только сели пить чай, идет Аристов. Батьков остался в доме. Спрашивают:

- Ken Hy, Kak?

Я говорю:

- Ничего.

Аристов говорит:

- Целую дивизию развернули, а ты один деревню взял.

Потом Доватор приехал, спрашивает, как в деревне. Мы говорим.

- Как же так, мы дивизию сюда развернули, а ты как сюда попал?

Я говорю:

- Вот, один, Лев михайлович, взял.
- Как так?
- Да вот так, что сам живым останся и деревню взял. Он говорит:

A SECOND

- Немедленно писать во фронт, наградить орденом Красной звезды.

Доватор говорил, что меже предки его были французами, которые остались после отечественной войны 1822
года в Белоруссии. Он себя считал белоруссом французского происхождения, как он выражался. Французского языка он не знал. Евреем он никак не мог быть, ничего в
нем похожего даже не было.

Гвардейское звание корпусу было присвоено еще при Доваторе в период ариергардных боев, 14 ноября при первом присвоении гвардейских звании. Как раз беловский корпус получил гвардейское звание и наш, Белов первым, а наш вторым. Товарищ Сталин знал о действиях конницы по тылам противника, заслуги этого корпуса. Причем, только две дивизии у нае были гвардейские, 4-я и 3-я, а 20-й, которая к нам вошла, вследствие того, что она не была в рейде, только прибыла, ей не дали гвардейского звания. Она не была гвардейской до лета 1942 года, когда я уже выехал.

После смерти Доватора, приезжала к нам его жена. Встречали мы ее. Сын приезжал. Доватора похоронили в москве. Сыну лет 14 было. Потом его очень быстро отправили оттуда, потому что народ начал его баловать, обстановка такая: к одному приходит, к другому приходит, работать не стал. Парнишку могли разложить совершенно под видом помощи.

Отп. в 3-х экз.